

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»**

Институт международных отношений и мировой истории

Ю.П. Помелова, О.В. Сафронова

**Материалы для чтения по теории международных отношений
Часть 1. Реализм**

Учебно-методическое пособие

Рекомендовано методической комиссией Института международных отношений
и мировой истории для студентов, обучающихся
по направлению подготовки 41.03.01 «Зарубежное регионоведение»

Нижний Новгород

2020

УДК 327 (075.8)
ББК Ф4(0)я73-3
П 55

П 55 Материалы для чтения по теории международных отношений. Часть 1. Реализм: учебно-методическое пособие [Электронное издание] / Авторы-составители: Ю.П. Помелова, О.В. Сафронова. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 60 с.

Рецензент: к.и.н., доцент В.В. Толкачев

Учебно-методическое пособие является частью учебно-методического комплекса по дисциплине «Теория международных отношений» (ТМО) и включает материалы теоретических исследований, предназначенные для изучения на семинарских занятиях. Они призваны помочь студентам понять специфику становления и развития ТМО как научной дисциплины, а также способствовать освоению принципов теоретического анализа международных отношений.

В данном издании – первой части учебно-методического пособия – собраны тексты ведущих теоретиков политического реализма и неореализма, рассматриваемые на семинарских занятиях по дисциплине. Изучение представленных в пособии материалов позволяет сформировать знания о специфических особенностях теоретических школ, а также об их проблематике, понятийном аппарате и системе теоретических построений.

Пособие предназначено для студентов Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, обучающихся по направлению подготовки 41.03.01 «Зарубежное регионоведение».

Ответственный за выпуск:
председатель методической комиссии
Института международных отношений и мировой истории ННГУ,
к.и.н., доцент С.В. Бушуева

УДК 327 (075.8)
ББК Ф4(0)я73-3

© Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Развитие теоретических исследований в рамках реалистской парадигмы	6
Тема 1. Основные принципы классического политического реализма	
<i>Ганс Моргентау</i>	
Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир	13
Тема 2. От классического политического реализма к неореализму	
<i>Кеннет Уолтц</i>	
Человек, государство и война	30
Тема 3. Неореализм и проблема системных изменений международных отношений	
<i>Роберт Гилпин</i>	
Война и изменение в мировой политике	42
Заключение	58

ВВЕДЕНИЕ

Данное учебно-методическое пособие является частью учебно-методического комплекса по дисциплине «Теория международных отношений» (ТМО), которая преподается студентам, обучающимся по направлению подготовки бакалавриата 41.03.01 «Зарубежное регионоведение», на третьем курсе (в пятом семестре).

Образовательная цель, преследуемая в преподавании дисциплины, заключается в освоении студентами основ научного (теоретического в широком смысле) анализа международных отношений и формировании способности применять научный инструментарий при проведении собственных научных исследований.

Процесс реализации поставленной цели предполагает решение ряда задач, среди которых усвоение специфики современного научного знания, формирование представления о месте и значении ТМО как научной дисциплины; усвоение студентами основных характеристик ТМО в контексте ее становления и развития с середины XX в.; изучение специфических особенностей, свойственных исследованиям в рамках различных зарубежных теоретических школ, и особенностей теоретических исследований в отечественной науке международных отношений.

Особое место в освоении дисциплины отводится семинарским занятиям, на которых студенты работают с текстами ведущих теоретиков международных отношений. Это позволяет им овладеть знаниями о проблематике, понятийном аппарате и системе теоретических построений в рамках трех классических парадигм ТМО, сложившихся во второй половине XX века: *реализма* (реалистская парадигма), *плюрализма* (либерально-идеалистическая парадигма) и *глобализма* (неомарксистская парадигма). Подобная организация изучения позволяет студентам понять место и значение ТМО как научной дисциплины в контексте ее становления и развития.

Учебно-методическое пособие содержит материалы по программе семинарских занятий по дисциплине. Их изучение позволяет сформировать более

глубокие знания о специфических особенностях, свойственных исследованиям в рамках трех названных парадигм, а также понять специфику современного теоретического знания о международных отношениях и мировой политике.

Программа семинарских занятий реализуется с использованием методики «Чтение с остановками», разрабатываемой в рамках педагогической технологии развития критического мышления. Следует обратить внимание на то, что каждый из представленных текстов разбит на части, которые сопровождаются вопросами. Необходимо организовать самостоятельную внеаудиторную работу, опираясь на эти вопросы: они призваны помочь уяснить сущность представленных концепций и теорий.

Целью семинарских занятий по ТМО является постижение сущности и специфики теоретических построений, предлагаемых авторами, сообразно этой цели избрана и форма проведения аудиторных семинарских занятий: они представляют собой дискуссионный обмен мнениями после соответствующей самостоятельной домашней подготовки.

На семинарских занятиях осуществляется контроль самостоятельной работы студентов в виде оценки участия в обсуждении текстов, а также оценки письменной обобщающей работы по данному разделу курса.

Данная – первая – часть учебно-методического пособия содержит материалы для изучения по разделу «Реалистская парадигма».

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ РЕАЛИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Становление и развитие политического реализма занимает особое место в ТМО.

Прежде всего, ее можно считать первой научной школой, сложившейся в исследованиях международных отношений. Хотя доминировавший в межвоенный период комплекс идей, получивший название «политический идеализм», наполнял и академические дискуссии, и официальную дипломатическую риторику политиков той эпохи, его нельзя считать сложившейся школой, отвечающей требованиям научности в современном понимании. По мере того, как в 1930-е годы накалялась обстановка и в Европе, и на Дальнем Востоке, влияние идеализма быстро падало; его нормативистский подход оказался подорванным самой политической действительностью. Во второй половине 1930-х – 1940-е годы оформляется новое направление в исследованиях международной политики, построенное на содержательной критике идеализма, – *политический реализм*.

Своеобразным манифестом формирующегося классического политического реализма стала книга Ганса Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир», впервые вышедшая в 1948 году. На многие десятилетия вперед именно эта школа заняла лидирующие позиции в теоретическом дискурсе специалистов-международников.

В рамках школы политического реализма работали Рейнхольд Нибур (1892-1971), Николас Спайкман (1893-1943), Джордж Кеннан (1904-2005), Арнольд Уолферс (1892-1962), Раймон Арон (1904-1983), Генри Киссинджер (род.1923), Збигнев Бжезинский (1928-2017) и многие другие.

Имя **Ганса Моргентау** стоит в этом ряду особо – именно с его трудами связывают оформление политического реализма как научной теории. Он четко обозначает свой исследовательский интерес «к реальному положению вещей, реальной человеческой природе». С точки зрения Г. Моргентау, само название

школы недвусмысленно должно указывать на то, что реалисты, в противовес идеалистам, считают неприемлемым выстраивать свои исследования на абстрактных идеалах и принципах абсолютного добра, одной только веры в «моральный политический порядок, основанный на универсальных и абстрактных принципах» недостаточно.

Изучая первую главу из названной выше книги Ганса Моргентау (**тема 1**) следует обратить внимание на то, какие критерии научной состоятельности автор считает необходимыми для любой теории и, в частности, теории международной политики, которую он представляет.

Особое значение для понимания сущности теории имеют «шесть принципов» политического реализма, которые автор постулирует и объясняет в первой главе. Необходимо обратить внимание на то, каким образом Г. Моргентау артикулирует свою позицию и обосновывает логическую связь между заявленными принципами.

Краеугольным камнем в рассуждениях автора стала категория «национального интереса» и его реализации. Одним из ключевых положений политического реализма является признание объективности категории «национального интереса», что влечет за собой признание неизбежности конфликта интересов взаимодействующих на международной арене государств. В логике реализма, конфликтность международной среды делает обеспечение безопасности государства центральной проблемой международной политики. При этом безопасность рассматривается политическими реалистами прежде всего в военно-политическом смысле, а центральным субъектом обеспечения безопасности является государство. Эта сфера «реальной политики» и исследовательская проблематика, с нею связанная, получила у реалистов название «высокой политики» (*high politics*), что подчеркивает ее исключительное место.

Особого внимания требует одно из исходных положений политического реализма – положение об анархичной природе международных отношений, которая и отличает их от сферы внутриобщественных политических отношений.

Если государство – как политический институт – обладает монополией на легитимное насилие для разрешения внутренних конфликтов, то в сфере международных отношений подобного центра, облеченного правом на применение насилия для урегулирования конфликтов, нет. Суверенная природа современных государств порождает «анархичность» международной среды. А когда каждое государство преследует свои собственные интересы, анархичность международной среды приобретает особое значение. С точки зрения политического реализма, в этих условиях государство может рассчитывать только на собственные силы и возможности в отстаивании своих интересов. Единственный приемлемый путь для этого – наращивание своей мощи. Последняя оценивается политическим реализмом с точки зрения способности оказывать влияние на других «игроков» международной политики и понимается достаточно широко, прежде всего, как военная и экономическая мощь, а также гарантия обеспечения безопасности и благосостояния, престижа, возможности для распространения своих идеологических установок и ценностей.

Размышления о различных составляющих (элементах) могущества современных государств-наций занимают значительное место в книге Г. Моргентау. Так, он включает в этот ряд особенности географического положения, наличие природных ресурсов, демографические характеристики, уровень индустриализации, военную готовность, а также такие «неосвязаемые» элементы, как особенности национального характера, моральное состояние нации, качество государственного управления и дипломатии.

Ключевая задача для тех, кто отвечает за разработку внешней политики государства, с точки зрения Г. Моргентау, заключается в верной оценке различных факторов, обеспечивающих могущество государства. При этом важно помнить о том, что все элементы могущества, за исключением лишь географического, динамичны. Следовательно, отмечает Г. Моргентау, важно как можно более точно уметь сопоставлять различные факторы могущества различных государств. Г. Моргентау предостерегает от типичных ошибок на этом пути, таких как абсолютизация могущества одной нации (иначе, власть всегда необходимо

рассматривать как категорию относительную: она всегда проявляется в отношениях двух или нескольких государств-наций); невнимание к динамическим изменениям в различных факторах могущества; рассмотрение единичного компонента мощи как исключительного.

Еще одна ключевая для политического реализма концептуальная позиция – идея «баланса сил» как регулятора международно-политических отношений. Стремление каждого государства к максимальной реализации своих национальных интересов в условиях анархичной среды приводят к установлению на международной арене определенного «баланса сил». С точки зрения Г. Моргентау, именно он, а не механизмы коллективной безопасности, является способом обеспечения мира. В установлении, поддержании или изменении «баланса сил» центральное место отводится великим державам – именно они устанавливают «правила игры». Идеальным состоянием для политических реалистов является «равновесие, означающее мир. Нарушение его восстанавливается новыми союзами или войной».

Подобная картина международной политики была востребована в середине XX в. политической элитой как в США (и прежде всего в США), так и в других странах, это обстоятельство и обеспечило долгую жизнь идей политического реализма, доминировавшего в науке международных отношений на протяжении нескольких десятилетий. Эта востребованность политического реализма помогла ему пережить критику со стороны оппонентов и периодически вновь завоевывать пальму первенства среди объяснительных моделей международных отношений. Так было, например, когда после относительного ослабления привлекательности политического реализма как исследовательской программы и основы для политического курса государств в 1970-е годы, он вновь возродился в начале 1980-х годов, как наиболее привлекательная модель в условиях обострения международной обстановки – на этот раз в «реформированном» виде неореализма, или структурного реализма.

Дальнейшему развитию исследований в рамках школы политического реализма посвящены темы 2 и 3 данного пособия.

В ходе второго «большого спора» в ТМО (1950-е – первая половина 1960-х гг.) в изучении международных отношений укореняется системный подход – этот принципиально важный для развития науки международных отношений шаг стал ответом на стремление ученых придать исследованиям научную стройность, что и побудило искать новые методологические основания. Книга **Кеннета Н. Уолтца** «Человек, государство и война», вышедшая в 1959 году, стала частью этого движения – новые для того времени системные основания исследований международных отношений здесь очевидны, как очевидны предпочтения автора в поисках причин войны: для него ключевым является именно системный уровень взаимодействия государств (**тема 2**).

С точки зрения автора, оправданием усилий ученых, исследующих международные отношения, может стать поиск ответа на ключевой вопрос о войне и мире: как снизить вероятность развязывания войны и увеличить шансы для сохранения и поддержания мира. К. Уолтц, конечно, не питает иллюзий по поводу того, что можно найти универсальный и «окончательный» ответ на этот вопрос. Более адекватным, с его точки зрения, стало бы стремление к пониманию причин войны, усилия по искоренению которых и могут стать путем снижения вероятности развязывания войн. Именно этот вопрос и становится в центре анализа К. Уолтца. В книге ученый обобщает и критически оценивает развитие политической мысли в отношении рассуждений о причинах войны. Анализируя огромный объем классической литературы К. Уолтц, группирует ее в три «образа», каждый из которых «отражает различное месторасположение причины и вид объяснения».

Следует обратить внимание на то, что первый «образ» связывает возникновение конфликтов с природой человека и его поведением, а точнее, с «дурной природой» человека и всем, что вытекает из такой констатации. Согласно трудам, которые отнесены К. Уолтцем к анализу, построенному вокруг второго «образа», причины войн связываются с несовершенством внутренней организации государств. Однако все попытки выписать «рецепт излечения» проблемы в тер-

минах только одного из «образов» не могут увенчаться успехом: подобный анализ является, как минимум, неполным. С точки зрения К. Уолтца, поведение государств на международной арене в гораздо бóльшей степени определяется специфическими чертами «международной политической среды», и это делает понятным его пристальное внимание к рассуждениям вокруг третьего «образа» и влияния международной «анархии» на возникновение конфликтов и войн. Во взаимодействии суверенных государств именно анархичная природа играет определяющую роль в возникновении конфликта. И если непосредственные причины войны могут быть нами найдены и в первом, и во втором «образах», то «допускающая», по его словам, причина войны коренится именно в анархичной природе международных отношений: «войны случаются, – пишет К. Уолтц, – потому что нет ничего, что предотвратило бы их».

Эти рассуждения автора стали отправной точкой в развитии К. Уолтцем теории структурного реализма, нашедшей воплощение в его книге 1979 г. «Теория международной политики» – книге, ставшей классикой ТМО и во многом определившей направления развития дисциплины в 1980-е и последующие годы.

Приверженцы структурного реализма (неореализма) отказались от свойственных классическому реализму попыток вывести рациональную теорию международной политики из понимания природы человека, они настаивают на рассмотрении факторов социального порядка. В этом состоит ревизионистская сторона неореализма (на этом основании его иногда называют ревизионизмом). Однако основные положения классического политического реализма: национальный интерес, «баланс сил», видение международной политики как конкурентной борьбы за «власть» и неизбежности конфликта – были сохранены и дополнены достижениями системной теории. Как отмечал К. Уолтц, с тем чтобы понять суть происходящего в международной политике, необходимо показать, «насколько действия и взаимодействия государств, а также результаты этих действий и взаимодействий могут быть объяснены силами, которые проявляются на уровне системы, а не на уровне элемента».

Творческим развитием идей системного анализа международных отношений стали работы **Роберта Гилпина**. Он был одним из первых структурных реалистов, поставивших проблему системных изменений в центр своего рассмотрения (**тема 3**). В работе «Война и изменение в мировой политике», вышедшей в 1981 году, автор задается вопросом, который сохраняет свою актуальность и сегодня: обосновано ли говорить о том, что изменения, которые наблюдались в 1970-е годы в развитии технологий и, как следствие, в экономических и социальных процессах (в частности, развитие экономической взаимозависимости), коренным образом изменили законы трансформации международных систем? Можно ли предположить, словами автора, что «мирная эволюция пришла на смену военному конфликту»?

Сам Р. Гилпин, сохраняя приверженность ключевым постулатам политического реализма, считает, что фундаментальные основы природы международных отношений не изменились, и война не изменила своей глубинной функции системных изменений. Он предлагает свою аналитическую модель системного анализа. Но готовы ли мы согласиться с тем, что война остается единственным механизмом системной трансформации?

Ниже представлены отрывки из работ Ганса Моргентау, Кеннета Уолтца и Роберта Гилпина. Тексты сопровождаются вопросами, которые помогут понять сущность представленных концепций.

О.В. Сафронова

ТЕМА 1.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ КЛАССИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Оформление школы классического политического реализма связано с выходом в 1948 г. книги Ганса Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир».

Ганс Моргентау (1904-1980) родился в Германии. Он получил образование в университетах Берлина, Франкфурта и Мюнхена, позже преподавал и работал практикующим юристом во Франкфурте. С 1932 г. преподавал в университете Женевы, а позже в Мадриде. В 1937 г. эмигрировал в США. В 1943 г. он получил приглашение в Чикагский университет, привнеся новое дыхание в известную чикагскую школу политологии. Г. Моргентау читал лекции в целом ряде американских университетов, включая Гарвард и Йель. Он возглавлял Центр изучения американской внешней политики в Чикагском университете, был членом Исследовательского института в Принстоне, членом Вашингтонского центра изучения внешней политики и старшим научным сотрудником Совета по международным отношениям. Кроме этого, он был консультантом Госдепартамента и Министерства обороны США.

Его книга «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» получила наибольшую известность и признание, став манифестом школы классического политического реализма. Ниже приведен текст первой главы из названной книги, посвященной описанию основных принципов, на которых построена теория международной политики классического политического реализма.

Ганс Моргентау

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НАЦИЯМИ.
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И МИР ***

Часть 1. Теория и практика международной политики

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Целью данной книги является представление теории международной политики. Оценка этой теории должна носить не априорный, а эмпирический, прагматический характер. Другими словами, теорию следует оценивать не по каким-то абстрактным критериям, не имеющим отношения к реальности, а по ее назначению – внести некий порядок и смысл в массу рассматриваемых явлений, которые без этой теории оставались бы бессвязными и непонятными. Теория должна удовлетворять двум требованиям: эмпирическому и логическому. Соответствуют ли реальные факты их теоретической интерпретации и вытекают ли те заключения, к которым приходит теория, из ее первоначальных посылок? Коротче говоря, согласуется ли теория с фактами и является ли она последовательной?

Проблема, которую изучает эта теория, касается природы политики как таковой. История современной политической мысли – это история научной полемики между двумя школами, которые расходятся в понимании природы человека, общества и политики. Представители одной школы считают, что возможен рациональный и моральный политический порядок, основанный на универсальных и абстрактных принципах. Они верят в изначальную добродетельность человеческой природы и осуждают нынешний социальный порядок за его несовершенство. Свои надежды они возлагают на развитие образования, реформы и допускают лишь единичные случаи применения насилия для искоренения социальных недугов.

* Текст приводится по изданию: Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. 6th ed. N.Y.: McGraw-Hill, 1985. P.3-17. Перевод опубликован в издании: Теория международных отношений: Хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 72-88. Авторские сноски не приводятся.

Последователи другой школы полагают, что мир несовершенен с рациональной точки зрения, поскольку является результатом действия тех сил, которые заложены в человеческой природе. Для современного мира характерно наличие противоположных интересов и, как следствие, конфликтов между ними. Моральные принципы не могут быть соблюдены полностью, но к ним можно приблизиться, пытаясь установить баланс интересов, который тем не менее всегда является временным. Эта школа видит в системе сдержек и противовесов универсальный принцип существования всех плюралистических обществ. Она апеллирует к историческим прецедентам, а не к абстрактным принципам; ее целью является поиск «меньшего зла», а не абсолютного добра.

Теория, представляемая ниже, получила название реалистической из-за своего интереса к реальному положению вещей, реальной человеческой природе, реальным историческим процессам. Каковы принципы исторического реализма? Мы не будем пытаться полностью раскрыть философию политического реализма, а ограничимся шестью основными принципами, суть которых часто понималась неправильно.

Шесть принципов политического реализма

1. С точки зрения политического реализма политика, как и общество в целом, подчинена объективным законам, которые коренятся в человеческой природе. Для того чтобы усовершенствовать общество, надо вначале постичь законы, по которым оно живет. Действие этих законов не зависит от нас; любая попытка их изменения будет заканчиваться неудачей.

Реализм, признавая объективность законов политики, также признает возможность создания рациональной теории, которая описывала бы, хотя и не полно, эти законы. Такая теория должна основываться на реальных фактах, а не на субъективных суждениях, не имеющих ничего общего с действительностью и продиктованных предрассудками и неправильным пониманием политики.

Человеческая природа, в которой коренятся законы политики, не изменилась со времен их открытия философами Древнего мира Китая, Индии и Греции.

Поэтому какие-либо нововведения в политической теории нельзя рассматривать как ее достоинство, а древность этой теории – как ее недостаток. Отклонять эту теорию лишь на том основании, что она была создана в далеком прошлом – значит опираться не на рациональные аргументы, а на модернистское предубеждение, указывающее на Превосходство настоящего над прошлым. Рассматривать ее возрождение как моду или чью-то прихоть равносильно признанию того, что в вопросах политики не может быть истины, а имеют место только субъективные мнения.

Согласно положениям политического реализма теория должна устанавливать факты и интерпретировать их. Предполагается, – что характер внешней политики может быть понят только на основе анализа политических действий и их возможных последствий. Однако простого анализа фактов недостаточно. Для того чтобы придать значение и смысл фактическому материалу, необходима некая теоретическая модель. Другими словами, мы ставим себя на место государственного деятеля, который столкнулся с определенной внешнеполитической проблемой при определенных обстоятельствах, и спрашиваем себя, какими рациональными способами он может решить эту проблему в данных обстоятельствах (предполагая, что он всегда действует рационально) и какой из этих способов он скорее всего выберет. Проверая эти гипотезы, мы начинаем понимать смысл и значение явлений международной политики.

2. Ключевой категорией политического реализма является понятие интереса, определенного в терминах власти. Именно это понятие связывает между собой мысль исследователя и явления международной политики. Именно оно обуславливает специфику политической сферы, ее отличие от других сфер жизни: экономики (понимаемой в категориях интереса, определенного как богатство), этики, эстетики или религии. Без такого понятия теория политики, внутренней или внешней, была бы невозможна, поскольку в этом случае мы не смогли бы отделить политические явления от неполитических и внести хоть какую-то упорядоченность в политическую сферу.

Мы предполагаем, что политики думают и действуют, опираясь на понятие

интереса, определенного в терминах власти, и исторические примеры это подтверждают. Данное предположение позволяет нам предугадать и проследить действия политика. Мысля в терминах интереса, определенного как власть, мы рассуждаем так же, как и он, и как беспристрастные наблюдатели понимаем смысл его действий, может быть, лучше, чем он сам.

Понятие интереса, определенного в терминах власти, заставляет исследователя быть аккуратным в своей работе, вносит упорядоченность в множество политических явлений и, следовательно, делает возможным теоретическое осмысление политики. Политику это понятие позволяет действовать рационально и проводить цельную внешнюю политику, не зависящую от его мотивов, предпочтений, профессиональных и моральных качеств.

ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА

1. Подумайте, какое влияние на Г. Моргентау оказали те исторические условия, в которых он писал свою книгу?
2. Как автор определяет, с какой целью была написана эта книга?
3. В чем для Г. Моргентау состоит назначение теории?
4. О каком «двойном тесте», который должна выдержать любая теория, говорит автор?
5. В тексте Г. Моргентау говорит о «соревновании двух школ». Если одна из них – школа политического реализма, то какая «другая школа» имеется в виду? Используйте текст, чтобы пояснить, в чем состоят кардинальные отличия этих двух школ?
6. Какое прилагательное в качестве определения чаще других использует автор, чтобы подчеркнуть характер теории политического реализма?
7. Как Вы думаете, с каким математическим понятием можно отождествить основные «принципы политического реализма»?
8. Сформулируйте первый принцип политического реализма. Проанализируйте его: разделите формулировку первого принципа на логические блоки для того, чтобы увидеть внутреннюю логику автора.
9. Автор считает, что факт появления какой-либо теории много столетий назад не является свидетельством того, что она устарела. А почему?
10. Сформулируйте второй принцип политического реализма. Как Вы понимаете формулу Г. Моргентау «интерес, выраженный в терминах власти»? Постарайтесь выделить постоянную и переменную величины в понятии «национального интереса».
11. Исходя из уже сформулированных положений политического реализма, каковы Ваши предположения, что последует далее в тексте относительно «двух распространенных заблуждений: относительно мотивов и идеологических предпочтений [политиков]»?

Ошибочна точка зрения, согласно которой ключом к пониманию внешней политики являются исключительно мотивы государственного деятеля, ибо мотивация – это психологический феномен, при изучении которого возможны искажения вследствие заинтересованности или эмоций со стороны как политика, так и исследователя. Действительно ли мы знаем каковы наши мотивы? И что мы знаем о мотивах других людей?

Однако даже если мы правильно понимаем мотивы государственного деятеля, это вряд ли поможет нам при исследовании внешней политики. Знание его мотивов может быть одним из ключей к пониманию общего направления его внешней политики, но оно не поможет нам в предсказании его конкретных шагов на международной арене. В истории не существует примеров жесткой связи между характером мотивов и характером внешней политики.

Нельзя утверждать, что хорошие намерения политика – условие моральной и успешной внешней политики. Анализируя его мотивы, мы можем сказать, что они не будут умышленно проводить аморальную политику, но мы не в состоянии определить вероятность ее успеха. Если мы действительно хотим понять моральные и политические особенности действий политика, то надо судить не по его мотивам, а по самим действиям. Как часто политики хотели улучшить мир, но делали только хуже? И как часто, стремясь к одной цели, они достигали совершенно иную?

Политика умиротворения Невилля Чемберлена была продиктована, насколько можно судить, хорошими мотивами. Он не искал личной власти, пытался сохранить мир и удовлетворить все заинтересованные стороны. Тем не менее эта политика способствовала развязыванию Второй мировой войны. С другой стороны, мотивы Уинстона Черчилля не были такими благородными и были направлены на достижение личной власти и силы нации, однако его внешняя политика оценивается как гораздо более моральная и успешная, чем у его предшественника. Если судить по мотивам, то Робеспьера следовало бы назвать самым добродетельным человеком в истории. Однако утопический радикализм его добродетели, заставляющий его убивать людей, в конце концов привел его на

эшафот и покончил с революцией, лидером которой он был.

Хорошие мотивы предохраняют от намеренно «плохой» политики, но они не гарантируют моральности и успешности политики, которую инициируют. Если мы действительно хотим понять суть внешней политики, то нас должны интересовать не мотивы государственного деятеля, а его способность постичь основы внешней политики и претворить свое знание в успешные политические действия. Если для этики основа – нравственность мотивов и поступков человека, то политическую теорию интересуют ум, воля и практические действия политика.

Теория политического реализма избегает другой частой ошибки – выведения внешней политики из философских и политических взглядов лидеров государства. Конечно, политики, особенно в современных условиях, могут пытаться представить свою внешнюю политику как проявление их мировоззренческих позиций в целях получения народной поддержки. При этом они будут разграничивать свои официальные обязанности, заключающиеся в отстаивании национальных интересов, и личные интересы, связанные с распространением и навязыванием их собственных моральных ценностей и политических принципов. Политический реализм признает значимость политических идеалов и моральных принципов, но он требует четкого разграничения между желаемым и возможным: желаемым везде и во все времена и возможным в данных конкретных условиях места и времени.

Стоит сказать, что не всякая внешняя политика следует рациональному, объективному курсу. Личные качества, предубеждения, субъективные предпочтения могут привести к отклонениям от рационального курса. Это особенно проявляется при демократических режимах, где необходимость заручиться поддержкой избирателей может отрицательно повлиять на рациональность внешней политики. Однако теория политического реализма должна абстрагироваться от иррациональных элементов и попытаться раскрыть рациональную суть внешней политики, не учитывая случайных отклонений от нормы.

Отклонения от рациональности, не являющиеся результатом личной прихоти или психопатологии политического деятеля, могут оказаться случайными, но могут быть и элементами общей иррациональной системы. Ведение Соединенными Штатами войны в Индокитае подтверждает такую возможность. Заслуживает внимания следующий вопрос: способны ли психология и психиатрия дать инструментарий, который позволил бы создать некую теорию иррациональной политики, своего рода патологии международных отношений.

Опыт войны в Индокитае приводит к мысли, что такая теория должна включать пять моментов: упрощенную и априорную картину мира, основанную на субъективных взглядах; нежелание исправлять ее под влиянием обстоятельств; постоянство во внешней политике как результат неадекватного понимания реальности и стремление не адаптировать политику к реальной действительности, а объяснять реальность так, чтобы она соответствовала политике; эгоизм государственных деятелей, который увеличивает разрыв между политикой и реальностью; стремление ликвидировать этот разрыв путем неких действий, которые создают иллюзию власти над непокорной реальностью.

Различие между реальной внешней политикой и рациональной теорией такое же, как между фотографией и живописным портретом. Фотография отражает все, что доступно невооруженному глазу; на портрете нет всего, что видит невооруженный глаз, но он показывает или, по крайней мере, должен показывать то, что не может видеть вооруженный глаз – сущность изображаемого.

Политический реализм содержит не только теоретические аспекты, но и нормативный элемент. Он признает, что случайность и иррациональность присутствуют в политической реальности и оказывают влияние на внешнюю политику. Тем не менее, подобно любой другой социальной теории, политический реализм делает основной упор на рациональных элементах политической реальности, ибо именно эти рациональные элементы позволяют ее теоретически осмыслить. Политический реализм предлагает теоретическую модель рациональной внешней политики, которая, однако, не может быть реализована на практике в полной мере.

В то же время политический реализм полагает, что рациональная внешняя политика является наилучшей, поскольку только такая политика способна минимизировать риски и принести максимальные выгоды. Политический реализм стремится к тому, чтобы своего рода фотография политического мира как можно больше походила на его живописный портрет. Он утверждает, что внешняя политика должна быть рациональной с точки зрения своих моральных принципов и практических целей.

Конечно, существуют аргументы против представленной здесь теории. Но надо учитывать, что целью данной работы является не описание всей политической реальности, а представление рациональной теории международной политики. Не отрицая того факта, что, например, идеальный баланс сил едва ли достижим в реальности, эта теория предполагает, что внешняя политика лучше всего может быть изучена и оценена на основе приближения к идеальному балансу сил.

ВТОРАЯ ОСТАНОВКА

1. Что является объектом анализа в работе Г. Моргентау?
2. Можем ли мы судить о внешней политике по мотивам, присущим государственным деятелям, или по их философским предпочтениям? Почему?
3. Что Г. Моргентау считает самым важным в определении внешней политики?
4. В каком контексте автор говорит о необходимости различать «желаемое и возможное»?
5. Можно ли, с точки зрения Г. Моргентау, абстрагироваться от иррациональности при проведении анализа внешней политики?
6. В каком контексте Г. Моргентау проводит сравнение между фотографией и портретом? Какую характеристику теории политического реализма он этим сравнением подчеркивает?
7. Есть ли в политическом реализме нормативный компонент? Если есть, то в чем он состоит?
8. Подумайте, как логически связаны между собой второй и первый принципы политического реализма?

3. Политический реализм полагает, что понятие интереса, определенного в терминах власти, является объективной категорией, хотя сам интерес может меняться. Тем не менее понятие интереса раскрывает суть политики и не зависит

от конкретных обстоятельств места и времени. Согласно Фукидиду, «общность интересов является наиболее прочным связующим звеном как между государствами, так и между индивидами». Эту же мысль высказал в XIX в. лорд Солсбери, по мнению которого, «единственная прочная связь» между государствами – это «отсутствие конфликта интересов». Данный принцип был положен в основу деятельности правительства Джорджа Вашингтона, который утверждал:

«Реальная жизнь убеждает нас в том, что большинство людей руководствуется в ней своими интересами. Мотивы общественной морали могут иногда побуждать людей совершать поступки, идущие вразрез с их интересами, но они не в состоянии заставить человека соблюдать все обязанности и предписания, принятые в обществе. Очень немногие способны долгое время приносить личные интересы в жертву общему благу. И не следует обвинять человеческую природу в развращенности. Во все времена люди руководствовались прежде всего своими интересами, и если мы хотим изменить это, то вначале надо изменить саму природу человека. Ни одно общество не будет прочным и процветающим, если не будет учитывать этого факта».

Подобная точка зрения нашла свое отражение в работах Макса Вебера: «Интересы (как материальные, так и духовные), а не идеи определяют действия людей. Тем не менее «представления о мире», созданные этими идеями, очень часто могут влиять на направление развития интересов».

Однако тип интереса, определяющего политические действия в конкретный исторический период, зависит от политического и культурного контекста, в рамках которого формируется внешняя политика. Цели, преследуемые государством в его внешней политике, могут быть совершенно различными. То же можно сказать о понятии власти. Ее содержание и способ применения зависят от политической и культурной среды. Под властью понимается все, что обеспечивает контроль одного человека над другим. Следовательно, она включает все виды социальных отношений, отвечающих этой цели: от физического насилия до самых тонких психологических связей, позволяющих одному разуму контролировать другой.

Политический реализм не считает, что структура современных международных отношений, характеризующихся крайней нестабильностью, не может быть изменена. Например, баланс сил является постоянным элементом плюралистических обществ и достигается в условиях относительной стабильности и мирного конфликта, как в Соединенных Штатах. Если бы факторы, составляющие основу этих условий, можно было перенести на уровень международных отношений, то это создало бы подобные условия для мира и стабильности между государствами, что и наблюдалось между некоторыми из них на протяжении длительных исторических периодов.

То, что справедливо для международных отношений в целом, справедливо и для отдельных государств как главных участников этих отношений. Основным критерием правильности внешней политики государства политический реализм считает отстаивание им национальных интересов. В то же время связь между национальным интересом и его носителем – государством – является продуктом истории, поэтому со временем может исчезнуть. Политический реализм не отрицает того, что со временем национальные государства могут быть заменены некими образованиями принципиально иного характера, в большей степени отвечающими техническим возможностям и требованиям будущего.

Для реалистического направления один из важнейших вопросов изучения международной политики состоит в том, как может быть трансформирован современный мир. Реалисты убеждены, что подобная трансформация возможна только путем искусной манипуляции теми силами, которые влияют и будут влиять на политику. Но они не считают возможной трансформацию современного мирового порядка путем изменения политической реальности, функционирующей по своим законам, с помощью неких абстрактных идеалов, которые этих законов не учитывают.

4. Политический реализм признает моральное значение политического действия. Он также признает неизбежность несоответствия морального императива и требований успешной политики. Неучет этого несоответствия мог бы внести путаницу в моральные и политические вопросы, представив политику более

моральной, а моральный закон менее строгим, чем это есть на самом деле.

Реализм утверждает, что универсальные моральные принципы не приложимы к государственной деятельности в своей абстрактной формулировке и должны быть пропущены через конкретные обстоятельства места и времени. Индивид может сказать: «*Fiat justitia, pereat mundus* (Пусть гибнет мир, но торжествует закон)», но государство не имеет такого права. И индивид, и нация должны оценивать политические действия на основе универсальных моральных принципов, таких, например, как свобода. Однако если у индивида есть моральное право принести себя в жертву этим моральным принципам, то нация не вправе ставить мораль выше требований успешной политики, которая сама по себе основана на моральном принципе выживания нации. Благоразумие, понимаемое как учет последствий политических действий, является составной частью политической морали и высшей добродетелью в политике. Этика судит о действии по его соответствию моральному закону; политическая этика судит о действии по его политическим последствиям.

5. Политический реализм отрицает тождество морали конкретной нации и универсальных моральных законов. Проводя различие между истиной и мнением, он разделяет также истину и идолопоклонство. Все нации испытывают соблазн – и лишь немногие могут противиться ему в течение долгого времени – представить собственные цели и действия как проявление универсальных моральных принципов. Одно дело знать, что нации являются субъектом морального закона, другое – утверждать, что хорошо и что плохо в отношениях между нациями. Существует несоответствие между верой в то, что все подчиняется воле Бога, и убежденностью в том, что Бог всегда на чьей-либо стороне.

Отождествление политических действий конкретного государства с волей Провидения не может быть оправдано с моральной точки зрения, ибо это, по сути, проявление такого греха, как гордыня, против которого греческие трагики и библейские пророки предупреждали и правителей, неуправляемых. Такое отождествление опасно и с политической точки зрения, ибо оно может вызвать искаженный взгляд на международную политику и в конечном счете привести к

тому, что государства будут стремиться уничтожить друг друга якобы во имя моральных идеалов либо самого Господа.

С другой стороны, именно понятие интереса, определенного в терминах власти, не позволяет нам впасть как в указанные моральные крайности, так и в подобное политическое безрассудство. Действительно, если мы рассматриваем все нации, включая свою, как политические образования, преследующие свои интересы, определенные в терминах власти, то мы способны быть справедливыми ко всем: во-первых, мы способны судить о других нациях так же, как мы судим о своей; во-вторых, исходя из этого мы можем проводить политику, которая уважает интересы других наций и в то же время защищает и продвигает интересы нашей собственной нации. Умеренность в политике является отражением умеренности морального суждения.

6. Таким образом, существует огромная разница между политическим реализмом и другими теоретическими школами. Однако теорию политического реализма часто понимают и интерпретируют неправильно, хотя в ней нет противоречия между требованиями рациональности, с одной стороны, и моралью – с другой.

Политический реалист утверждает, что политической сфере присуща определенная автономность, подобно тому как это делают экономист, юрист, этик. Он мыслит в терминах интереса, определенного как власть, подобно тому как экономист мыслит в категориях интереса, определенного как богатство, юрист – в категориях соответствия действия юридическим нормам, этик – в категориях соответствия действия моральным принципам. Экономист спрашивает: «Как эта политика влияет на богатство общества?» Юрист спрашивает: «Соответствует ли эта политика законам?» Моралист спрашивает: «Соответствует ли эта политика нравственным принципам?» А политический реалист спрашивает: «Как эта политика влияет на силу нации?»

Конечно, политический реалист признает существование и важность неполитических феноменов, но он рассматривает их с точки зрения политики. Он

также признает, что другие науки могут рассматривать политику под своим углом зрения. Здесь политический реализм расходится с легалистско-моралистским подходом в международных отношениях. То, что такой подход существует, подтверждается многочисленными историческими примерами. Приведем три из них.

В 1939 г. Советский Союз напал на Финляндию. Это поставило перед правительствами Франции и Великобритании два вопроса: правовой и политический. Нарушил ли СССР статьи Договора об учреждении Лиги Наций, и если да, то какие ответные шаги могут быть предприняты? С правовой точки зрения следует дать утвердительный ответ, ибо Советский Союз совершил то, что было запрещено в Договоре. Ответ на политический вопрос зависит, во-первых, от того, в какой степени были затронуты интересы Франции и Великобритании; во-вторых, от существовавшего тогда соотношения сил, с одной стороны, между Францией и Великобританией, и с другой – между Советским Союзом и прочими потенциальными противниками; в-третьих, от того, как могли повлиять ответные шаги на интересы Франции и Великобритании и на будущее соотношение сил. Франция и Великобритания как ведущие члены Лиги Наций выступили за исключение Советского Союза из этой организации; и единственным, что предотвратило их вступление в войну на стороне Финляндии, было нежелание Швеции пропустить войска этих стран через свою территорию. Если бы не отказ Швеции, Франция и Великобритания вскоре могли бы оказаться в состоянии войны одновременно и с СССР, и с Германией.

Политика Франции и Великобритании – классический пример легалистского подхода, которому полностью соответствовали их действия. Вместо того чтобы рассматривать проблему с двух точек зрения: правовой и политической, они рассматривали ее только с позиции международного права, а принимая решение, они не учитывали, что от этого зависит само их существование как суверенных государств.

Второй пример иллюстрирует моралистский подход в международной по-

литике. Появление коммунистического правительства Китая поставило перед Западом два вопроса: моральный и политический. Соответствуют ли природа и политика этого режима моральным принципам западного мира? Нужно ли Западу иметь с ним дело? Ответ на первый вопрос не может не быть отрицательным. Однако из этого не следует, что ответ на второй вопрос тоже должен быть отрицательным. При ответе на первый – моральный – вопрос нужно просто проанализировать сущность и политику коммунистического руководства Китая на предмет их соответствия западным моральным принципам. Ответ на второй – политический – вопрос требовал сложного анализа интересов вовлеченных сторон и соотношения сил между ними, а также последствий для западных государств того или иного решения. Этот анализ вполне мог привести к заключению, что не следует признавать коммунистическое правительство Китая. Однако лидеры Запада проигнорировали политический анализ проблемы и предпочли рассматривать ее только с моральной точки зрения.

Третий пример демонстрирует разницу между реализмом и легалистско-моралистским подходом во внешней политике. Великобритания как один из гарантов нейтралитета Бельгии объявила войну Германии в августе 1914 г. после того, как последняя нарушила бельгийский нейтралитет. Действия Великобритании можно объяснить и с реалистической, и с легалистско-моралистской точки зрения. Сначала рассмотрим ситуацию с позиции реализма. Долгое время аксиомой британской внешней политики было недопущение контроля за малыми государствами со стороны враждебных держав. Но Великобританию заставило вступить в войну не столько нарушение суверенитета Бельгии, сколько ее собственные интересы. Если бы нейтралитет Бельгии был нарушен не Германией, а каким-либо другим государством, то Великобритания вполне могла бы воздержаться от вмешательства. Такой позиции придерживался тогдашний британский министр иностранных дел Эдвард Грей. Но была и другая позиция, отражающая легалистско-моралистский подход. Согласно ей, вмешательство Великобритании могло быть оправдано тем, что нарушение суверенитета Бельгии уже само

по себе, независимо от чьих-либо интересов, противоречило нормам международного права и морали. Такой позиции придерживался, например, Теодор Рузвельт.

Политический реалист говорит о специфике политической сферы, но это не означает, что он отрицает важность других сфер общественной жизни. Политический реализм основывается на плюралистическом понимании природы человека. Реальный человек состоит из «экономического человека и «политического человека», «этического человека», «религиозного человека» и т.д. Человек, являющийся только «политическим человеком», – животное, ибо он не ограничен никакими моральными нормами. Человек, являющийся только «моральным человеком», – глупец, ибо он лишен благоразумия. Человек, являющийся только «религиозным человеком», – святой, ибо он не испытывает никаких земных желаний.

Признавая существование различных аспектов человеческой природы, политический реализм считает, что при изучении каждого из них необходим свой подход. Например, если мы хотим изучить религиозный аспект, нужно абстрагироваться от всех других характеристик человека и рассматривать этот аспект как его единственную характеристику. Более того, при изучении этого аспекта требуется использовать подходящий для религиозной сферы понятийный аппарат, при этом помня о существовании других сфер жизни и, следовательно, других стандартов мышления. То же касается и других аспектов человеческой природы и сфер жизни. Современный экономист не может понять предмет своей науки и ее связь с другими науками о человеке каким-либо иным образом. Именно благодаря выработке своего понятийного аппарата экономика стала самостоятельной наукой, изучающей экономическую деятельность человека. Способствовать подобному развитию в сфере политики и является целью политического реализма.

Естественно, что теория политики, основанная на таких принципах, не получит безоговорочного одобрения, как не получит ее и внешняя политика, базирующаяся на этой теории. Ибо и эта теория, и эта политика противоречат двум

тенденциям в нашей культуре. Одна из них – стремление умалить роль силы в обществе – основывается на гуманистической философии XIX в. Другая теория, противостоящая гуманистической теории и практике политики, базируется на самой связи между человеческим разумом и политикой. По причинам, которые мы затронем позже, человеческое сознание не в состоянии объективно рассматривать явления политической реальности. Оно должно скрывать, искажать и приукрашивать политическую реальность: и чем в большей степени человек вовлечен в политику, особенно международную, тем в большей степени это проявляется. Ибо, только вводя себя в заблуждение относительно природы политики и роли, которую он играет на политической сцене, человек способен получать удовольствие от политической деятельности.

Таким образом, политическому реалисту неизбежно надо преодолевать некий психологический барьер, с которым не знакомы другие отрасли знания. Поэтому теория политического реализма нуждается в специальном объяснении и оправдании.

ТРЕТЬЯ ОСТАНОВКА

1. Является ли, по мнению Г. Моргентау, категория национального интереса объективной? Является ли категория национального интереса неизменной?
2. Подумайте, как второй принцип политического реализма логически связан с третьим?
3. В чем Г. Моргентау видит условие для мира и стабильности на международной арене? Какому постулату политического идеализма автор противопоставляет свой «рецепт» мира и стабильности?
4. Как Вы понимаете положение автора о том, что «связь между национальным интересом и его носителем – государством – является продуктом истории»?
5. Часто говорят о том, что политический реализм «аморален» (вспомните, например, Н. Макиавелли – его труды считаются интеллектуальными истоками современного политического реализма – и «макиавеллизм» – термин, который используют как синоним аморальности политики!) Вы согласны?
6. В чем состоит «высший моральный императив» политического реализма? Что есть высшая добродетель, с точки зрения политического реализма? Вы разделяете эту точку зрения? Поясните, почему.
7. Сформулируйте пятый принцип реализма. Как Вы его понимаете?
8. Что нас может спасти, с точки зрения Г. Моргентау от «моральной крайности и политического безрассудства»?
9. С какой целью, формулируя шестой принцип политического реализма, Г. Моргентау подчеркивает автономность политической сферы? Что он хочет подчеркнуть приводимыми в тексте историческими примерами?

ТЕМА 2. ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА К НЕОРЕАЛИЗМУ

Кеннет Н. Уолтц (1924-2013) являлся одним из самых ярких представителей структурного реализма (неореализма). Он был ветераном Второй мировой войны. Университетское образование К. Уолтц получил в области экономики, но затем увлекся политическими науками и получил ученую степень, защитив диссертацию в 1954 г. Последняя и легла в основу его знаменитой книги «Человек, государство и война», вышедшей в 1959 г. (Waltz, Kenneth N. *Man, the State and War*. N.Y.: Columbia University Press, 1959. Отрывок из книги приведен ниже). В ней К. Уолтц представляет поиск причин войны, концентрируя внимание на трех «образах»: индивид, общество / государство и международная система. Книга К. Уолтца положила начало дискуссии в ТМО об «уровнях анализа», инициировав развитие системного подхода в анализе международных отношений.

В 1979 г. Кеннет Уолтц опубликовал книгу «Теория международной политики», ставшей классическим выражением структурного реализма (неореализма) и определившей на многие годы вперед направление развития системных исследований.

До последних дней жизни Кеннет Уолтц был почетным профессором Университета Калифорнии (Беркли).

Стремление к достижению мира, отмечает К. Уолтц в книге «Человек, государство и война», требует понимания причин войны. Первый «образ» связывает возникновение конфликтов с «дурной» природой человека: с его эгоизмом, неверно направленными агрессивными импульсами или просто глупостью. Если это считать главными причинами войны, то тогда избавление от войн достижимо путем просвещения людей. Согласно второму образу, причины войн коренятся в «структуре государств», а иначе, «дефекты» государственного устройства являются причиной возникновения войн. В этом случае предписанием для «излечения» от войн закономерно становится улучшение государственного устройства. «Суть нашей критики, однако, – пишет К. Уолтц, – заключается в том, что ни

одно предписание исключительно в терминах второго образа не может быть верным». Иными словами, К.Уолтц настаивает, что вера в то, что повсеместное укоренение «хорошего» государственного устройства может гарантировать установление прочного мира, пагубна. «Международная политическая среда, – продолжает он, – во многом влияет на то, как ведут себя государства». Третий «образ», представленный К.Уолцем, акцентирует анархичную природу международной системы.

Кеннет Уолтц

ЧЕЛОВЕК, ГОСУДАРСТВО И ВОЙНА*

Существование множества независимых государств, действующих в соответствии с собственными интересами или желаниями и руководствующихся в своих поступках обидами и амбициями, а также отсутствие признаваемой ими общей системы законов делают возникновение конфликта, иногда приводящего к войне, практически неизбежным. Для достижения желаемого исхода конфликта каждое государство вынуждено полагаться на собственные средства, сравнительная эффективность которых становится его постоянной заботой. Именно это, под названием третий образ, и будет предметом рассмотрения этой главы. [...]

Государство использует силу, если после оценки перспектив на достижение успеха желаемые цели кажутся более привлекательными, чем все удовольствия мирной жизни. Поскольку же каждая держава – сама себе высший судья, постольку любая страна постоянно способна применить силу для проведения собственной политики. А из-за того, что любая страна может применить силу в любое время, все страны вынуждены постоянно быть готовыми ответить на силу силой или же заплатить за спокойствие. Из всего этого следует, что сама среда, в которой действуют государства, требует от них определенного поведения.

Все три образа, между тем, являются часть единого целого. Эти образы – человек, государство и межгосударственная среда – используются при всех попытках понять международные отношения. Но, как правило, аналитик, следуя одному подходу, совершенно упускает из вида остальные. Абсолютизация одного подхода может исказить понимание влияния двух других. Например, часто встречаются люди, склонные к одностороннему видению действительности, заявляющие, что наличие оружия не приводит к войне, а, напротив, обеспечивает

*

За основу взят перевод Д.А. Жабина, опубликованный в «Социально-политическом журнале» (1997. № 5).
Дополнен по изданию: Waltz, Kenneth N. Explaining War // Viotti, Paul R. and Mark V. Kauppi. International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism. 2nd ed. N.Y. / Toronto: Macmillan Publishing Company / Maxwell Macmillan Canada, 1993. P.135-137. Авторские сноски не приводятся

безопасность и даже мир. Причина этого – смесь жульнического мифа, маскирующего корыстные интересы политиков, производителей вооружений и им подобных, и искреннего заблуждения патриотов, желающих безопасности своей Родины.

Вспомнив одного из многочисленных сторонников подобных взглядов, Кобден отмечает, рассеивая данную иллюзию, что удвоение вооружений всеми странами отнюдь не усилит их безопасность в сравнении с вариантом, при котором они взаимно сократили бы уровень своих вооружений, скажем, процентов на пятьдесят. Несмотря на то, что математика не всегда адекватно отражает действительность, этот аргумент иллюстрирует возможность применения на практике первого и второго образа. Воспитание ли граждан и лидеров независимых государств, совершенствование ли их устройства, но что-то приводит к возникновению условий, при которых наспех очерченный выше принцип становится основой политики государств. Последствия? – разоружение и экономия средств, в добавление к миру и, отсюда, безопасности всех стран, если отдельные государства демонстрируют готовность к сокращению на паритетной основе собственного военного потенциала, остальные страны могут за ними последовать. Настоящий довод привлекает внимание к третьему образу, делая акцент именно на взаимозависимости проводимой различными государствами внешней политики. Однако оптимизм при его рассмотрении игнорирует некоторые присущие этому подходу сложности, которые мы попытаемся прояснить, детально рассмотрев и исследовав третий образ в этой и последующих главах [...].

В раннем естественном состоянии люди были достаточно разобщены для того, чтобы сделать ненужным какое-либо сотрудничество. Но, в конечном счете, сочетание роста населения и обычных естественных случайностей поставило во множестве ситуаций дилемму – сотрудничество или смерть. Руссо иллюстрирует такую линию рассуждения простейшим примером, который стоит воспроизвести, так как он послужил отправным пунктом для объяснения конфликта в международных отношениях и возникновения правительства. Предста-

вим, что случайно встречаются пять человек, страдающих от голода и обладающих рудиментарной способностью говорить и понимать друг друга. Каждый может насытиться пятой частью оленя, и они «соглашаются» сотрудничать для его поимки. Но голод одного может удовлетворить и заяц, поэтому, если заяц попадает, один из охотников его хватает и съедает, нарушая соглашение, а олень в это время убегает. Личный интерес отступника доминирует над мнением со товарищей.

Простой случай с огромными осложнениями. При совместном действии, даже когда все участники согласны в отношении цели и имеют одинаковые интересы, нельзя положиться на других. Спиноза напрямую связал конфликт с несовершенством разума человека. Монтескье и Руссо опровергают вывод Спинозы, утверждая, что источники конфликта находятся не столько в головах людей, сколько в природе общественной деятельности. До некоторой степени это трудность в выражении мысли. Руссо считает, что если бы мы знали, как достигнуть высшей справедливости, исходящей от Бога, «нам не нужны были бы ни правительства, ни законы». Это перекликается с высказыванием Спинозы: «Когда люди живут по велению разума, они обязательно живут в гармонии друг с другом». Вот такой трюизм. Если бы люди были совершенными, их совершенство отражалось бы во всех их расчетах и действиях. Любой мог бы положиться на поведение окружающих, и все решения основывались бы на принципах, учитывающих необходимость полной гармонии интересов. Спиноза обращается не к сложности борьбы противостоящих интересов, а к порочности человеческого мышления, не дающей возможности последовательно принимать решения в интересах каждого и на благо всех. Руссо сталкивается с той же проблемой. Он описывает предполагаемое поведение людей, когда они, сталкиваясь со своими повседневными нуждами, только начинали зависеть друг от друга. Пока каждый удовлетворял только свои собственные потребности, конфликт не мог произойти; но как только сочетание естественных препятствий и роста населения сделало сотрудничество необходимым, возник конфликт. Как и в примере с охотой на оленя, напряженность между личными и общими групповыми интересами

снимается односторонним действием одного человека. В той степени, в какой он руководствуется голодом, его поступок определяется чувствами. Разум, с одной стороны, убедил бы его, что собственный долгосрочный интерес зависит от совместного действия и пойдет во благо всем участникам. Но разум также говорит охотнику, что если не преследовать зайца, за ним, оставив свое место, может броситься сосед, не оставляя первому ничего, кроме пищи для размышлений о том, как глупо быть лояльным.

Теперь проблема становится в более общей формулировке. Если гармония должна существовать в анархии, я должен не только руководствоваться разумом, но и быть уверен, что любой другой основывается на том же, иначе нет основы для рационального расчета. Применение личного расчета к нерациональным поступкам других не может не привести к четким решениям, но попытка действовать на рациональной основе без уверенности в том, что другие будут действовать так же, может привести к моему собственному самоуничтожению. Последний аргумент отражен в комментариях Руссо по поводу следующего высказывания: «Подлинные христиане создали бы самое совершенное общество из всех мыслимых». Прежде всего, Руссо указывает, что такое общество «не было бы обществом людей». Более того, он говорит: «Чтобы государство было мирным, и чтобы поддерживалась гармония, *все без исключения* граждане должны быть в равной степени добрыми христианами; если же случайно появится хотя бы один эгоист или лицемер,.. он непременно воспользуется своими набожными соотечественниками».

Если определять совместное действие как рациональное, а любое отклонение от него как нерациональное, нужно согласиться со Спинозой в том, что конфликт возникает в результате нерациональности людей. Но если исследовать требования, предъявляемые к рациональному действию, обнаружится, что даже в таком простом случае, как охота на оленя, нужно согласиться с тем, что разум каждого одинаково определяет интерес, что каждый придет к сходным выводам и методам, характерным для данной ситуации, что все придут к согласию относительно действий по изменению первоначального плана, и что каждый может

быть абсолютно уверен в неизменности целей всех остальных. Полностью рациональное действие требует не только понимания взаимосвязи личного благосостояния и блага других, но также и полной оценки всех деталей, чтобы можно было ответить на вопрос: как же это связано с другими в каждом случае? Руссо согласен со Спинозой в том, что поступок ловца зайца нельзя назвать хорошим или плохим; но в отличие от Спинозы, отказывается назвать этот поступок рациональным или нерациональным. Он отмечает, что затруднения связаны не только с людьми, но и ситуациями, с которыми они сталкиваются. Ни в коей мере не преуменьшая роль скупости и амбиций в возникновении и развитии конфликта, анализ Руссо проясняет степень, в которой конфликт неизбежно проявляется в общественных делах.

Короче, утверждение, согласно которому иррациональность – причина всех бед на свете, в том смысле, что мир полностью разумных людей не знал бы противоречий и конфликтов, является, по мнению Руссо, настолько же истинным, насколько малозначимым. Так как мир нельзя определить в терминах совершенства, сама проблема приближения к гармонии в общественной и индивидуальной деятельности по-прежнему остается с нами и, поскольку возможность совершенства отсутствует, эту задачу нельзя решить простым изменением людей. [...] Вывод Руссо, а заодно и основа его теории международных отношений точно, хотя и несколько абстрактно, выражены в следующем положении: то, что между отдельными странами происходят столкновения, не случайно, а закономерно. А это, в свою очередь, просто иной способ сказать, что в анархии не обязательно присутствует гармония.

ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА

1. Когда была опубликована книга «Человек, государство и война»? Какие события международно-политической жизни могли повлиять на автора при написании книги?
2. В каких случаях государства решают использовать силовые меры при проведении внешней политики?
3. Проиллюстрируйте применение первого и второго образа на примере процесса разоружения.

4. Какой процесс может быть более эффективным в сохранении стабильности международной системы – накопление оружия или разоружение? Как вы думаете, какой точки зрения придерживается К. Уолтц?
5. Воспроизведите историю с охотой на оленя. В чем логика охотника? Что хочет подчеркнуть автор, используя эту аллегорию? В чем кроются причины неизбежности конфликта, с его точки зрения?

Существует два возможных способа решения проблемы анархии: (1) Навязать эффективный контроль независимым и несовершенным государствам. (2) Вывести государства из сферы случайного, т.е. считать идеальное государство настолько совершенным, что в нем больше нет частных. Кант пытался прийти к компромиссу, считая государства достаточно совершенными для того, чтобы они добровольно согласились подчиниться принятому ими своду законов. Руссо расходится с Кантом в этом вопросе и подчеркивает специфическую природу любого, даже идеального государства, что делает тщетным предлагаемое Кантом решение. Тем самым Руссо делает возможным создание теории международных отношений, в общих чертах объясняющей поведение всех государств, как хороших, так и плохих.

В примере с охотой на оленя воля ловца зайца с его собственной точки зрения разумна и предсказуема. С точки зрения остальных охотников, она произвольна и эгоистична. Так же и воля каждого отдельного государства, идеальная для него самого, может вызвать сильнейшее отторжение других держав. Применение теории Руссо к международной политике, исходящее из предшествующего анализа, красноречиво и ясно изложено в его комментариях к Сен-Пьеру. В коротком труде, озаглавленном «Состояние войны», Руссо пишет: «Страны Европы соприкасаются друг с другом в столь многих точках, что ни одно из них не может самоустраниться, не создавая ссор между остальными: расхождения между странами становятся все более беспощадными по мере того, как связи между ними становятся теснее». Страны «неизбежно приходят к ссорам и разногласиям при первых признаках возникающих перемен». На вопрос, почему государства «неизбежно» должны враждовать, Руссо отвечает: потому что их союз «основан на случайности и не поддерживается ничем другим». Нации Европы –

добровольные общности, жестко противостоящие друг другу. Их законодательство не обладает ни достаточной силой, ни ясностью для того, чтобы им руководствоваться. Европейское публичное право не представляет собой ничего, кроме «массы противоречащих друг другу правил, которые может упорядочить только право сильного, поэтому, за неимением какого-либо верного ключа к руководству, разум вынужден в каждом сомнительном случае следовать эгоистическим побуждениям, что само по себе делает войну неизбежной, даже если бы все стороны желали руководствоваться справедливостью». В этих условиях нелепо ожидать самопроизвольного установления гармонии интересов и автоматического согласия с принятием прав и обязанностей. В действительности существует «союз наций Европы», но «несовершенство этой ассоциации делает состояние ее членов еще хуже, чем если бы они совсем не образовывали бы общности».

Мысль ясна. Для индивидов самым кровавым периодом истории было время, непосредственно предшествовавшее формированию общества, когда они уже утратили добродетели дикарей, но не приобрели достоинств граждан. Последняя стадия естественного состояния – обязательно состояние войны. Именно в этой стадии пребывают нации Европы.

А в чем тогда причина: произвольные действия государств или система, в которой они существуют? Руссо настаивает на втором:

«Каждый может видеть, что любую форму общества объединяет общность интереса, а разобщает их конфликт; изменить эту тенденцию можно с помощью тысячи катастроф; что как только появляется общество, должна появиться некая принудительная сила, координирующая действия его членов и придающая их общим интересам и взаимным обязательствам ту устойчивость и последовательность, которую они сами собой никогда бы не приобрели».

Подчеркивать важность политической структуры и говорить, что действия, порождающие конфликт и приводящие к применению силы, не имеют значения – разные вещи. Непосредственными причинами войны являются именно специфические действия, а общая структура допускает их существование и дает выход

своим несчастьям. Ликвидация всякого эгоизма, порочности и тупости наций позволила бы установить вечный мир, но попытка немедленно устранить непосредственные причины войны, не меняя структуру «союза Европы», утопична.

Какое же нужно изменение структуры? Руссо с негодованием отвергает идею Канта о добровольной федерации, поддерживающей мир между государствами. Вместо этого он говорит, что лекарство против войны между государствами «должно обнаружиться только в такой форме федерального Правительства, которое объединит нации связями, подобными тем, которые уже соединяют их отдельных граждан, и поставит и то и другое под власть Закона». Кант делал сходные утверждения только для того, чтобы гипотетически продемонстрировать свою мысль, до того, как он пришел к осознанию возможности такой федерации. Руссо не изменяет принципу, как видно из следующей цитаты, каждое слово которой противоречит кантовскому замыслу:

«Федерация [термин, который заменит выражение «свободная и добровольная ассоциация, ныне объединяющая Государства Европы»] должна охватить своим членством все основные Державы: она должна иметь Законодательный Орган, имеющий власть принудить всех своих членов к исполнению законов и правил; она должна обладать исполнительной силой, способно или заставить каждую страну подчиниться в обязательном порядке общим решениям, или запретить какие-то действия; наконец, она должна быть достаточно сильной и устойчивой, чтобы ни один из ее членов не мог выйти из нее по собственной воле в тот момент, когда его собственные интересы сталкиваются с интересами всех остальных».

Легко обнаружить несоответствие в предлагаемом Руссо решении. Самое уязвимое заключено в вопросах: Каким образом федерация сможет навязать свои законы государствам, чтобы они поняли, что против них не развязывается война, и как может быть, что сила всегда будет на стороне федерации? Отвечая на это, Руссо утверждает, что европейские государства находятся в состоянии достаточного равновесия и не дадут ни одному из них или их союзов доминировать над другими. По этой причине необходимый уровень силы всегда останется у самой

федерации. В «Федералистских записках» содержится наилучший критический анализ слабости, присущей федерации государств, которой приходится навязывать законы своим членам. Аргументация убедительна, но за пределами нашего анализа. Нереалистичность решения, предлагаемого Руссо, отнюдь не умаляет достоинств его теоретического анализа войны как следствия международной анархии. [...]

То, что Советский Союз в настоящее время заключает в себе величайшую угрозу миру, может быть верным. Но неверным [было бы предположить], что, исчезни Советский Союз, остальные государства смогли бы с легкостью жить в мире. Мы знакомы с войнами на протяжении столетий; Советский Союз существует лишь несколько десятилетий. Но некоторые государства и, возможно, некоторые формы государства являются миролюбивыми в большей степени, чем другие. Не гарантирует ли увеличение числа миролюбивых государств, по крайней мере, надежду на то, что период между большими войнами может быть продлен? Акцентируя уместность рассмотрения структуры действия, третий образ проясняет вводящее в заблуждение качество подобного частичного анализа и надежд, которые часто на нем базируются. Действие, которому по стандартам индивидуальной морали следовало бы рукоплескать, будь оно предпринято государством, может быть приглашением к войне, которой мы стремимся избежать. Третий образ, понимаемый не как теория мирового правительства, а как теория обуславливающего влияния самой системы государств, предупреждает нас: нет действия, хорошего самого по себе в том, что касается увеличения шансов сохранения мира. [...]

В международной политике частичное «решение», когда одно ведущее государство становится мирным, может быть реальным вкладом в дело мира; но с такой же легкостью оно может ускорить приход следующей большой войны.

Третий образ, как он отражен в работах Руссо, базируется на анализе последствий, проистекающих из структуры взаимодействия государств. Объяснение происхождения войны между государствами, представленное Руссо, в широком смысле, в рамках системы государств-наций является окончательным. Это

исчерпывающее объяснение, так как оно не зависит от случайных причин – иррациональности людей, дефектов государств, – но вращается вокруг его теории структуры, в рамках которой *любая* случайность может приблизить войну. То, что государство А желает чего-либо, достижимого только путем войны, не объясняет войну. Подобное желание может привести или не привести к войне. То, что я хочу миллион долларов, не заставляет меня грабить банк, но, если бы ограбить банк было проще, подобные желания привели бы к более частым ограблениям. Это не изменяет того факта, что некоторые люди будут, а некоторые не будут, предпринимать попытку ограбления банка вне зависимости от ситуации с правоприменением. Мы все же вынуждены обратиться к мотивации и обстоятельствам, когда хотим объяснить действия индивида. Тем не менее, можно предположить, что при прочих равных условиях ослабление правоохранительных органов приведет к росту преступлений. С этой точки зрения, имеет значение социальная структура – институционализированные ограничения и институционализированные методы изменения и приспособления интересов. И она имеет значение иначе, чем обычное понимание слова «причина». К ограблению банка человека подталкивают желание денег, неуважение к социальным приличиям, определенная дерзость. Но если препятствия на пути к реализации этих причин будут достаточно высоки, девять из десяти потенциальных грабителей будут мирно жить, занимаясь своим законным ремеслом. Если структура вообще может быть названа причиной, наилучшим образом она может быть определена как «разрешающая» или основная причина войны.

Применительно к международной политике это становится предположением, что войны случаются, потому что нет ничего, что предотвратило бы их. Анализ Руссо объясняет рецидив войны без объяснения какой-то конкретной войны. Он говорит нам, что война может случиться в любой момент, и он говорит нам почему. Но структура системы государств напрямую не побуждает государство А нападать на государство В. Случится или нет такое нападение зависит от ряда особых обстоятельств – расположения, размера, мощи, интереса, типа

правительства, прошлой истории и традиции, – каждое из которых будет оказывать влияние на действия обоих государств. Если они будут воевать друг с другом, это произойдет по причинам, определенным для этого случая каждым из них. Эти особые причины становятся непосредственными и действительными причинами войны. Эти непосредственные причины кроются в первом и втором образах. [...]

Война может стать результатом того, что государство А имеет нечто желанное для государства В. Действительная причина войны – желание государства В, разрешающая причина – факт, что нет ничего, что могло бы воспрепятствовать государству В рискнуть развязать войну.

ВТОРАЯ ОСТАНОВКА

1. В чем разница в восприятии природы государства у Канта и Руссо?
2. Почему автор не считает установление мирового правительства решением проблемы «анархии»?
3. В чем же, с точки зрения, К. Уолтца, кроются причины войны? Как К. Уолтц объясняет причины войн, исходя из трех «образов» или уровней анализа?
4. Как вы понимаете фразу «непосредственные причинами войны являются именно специфические действия, а общая структура допускает их существование»?
5. Каким «образам» соответствуют действительные и разрешающие причины войны?
6. Что нового, по сравнению с классическим политическим реализмом, привносит в анализ международных отношений К. Уолтц? Какие положения классического политического реализма остаются неизменными?

ТЕМА 3.

НЕОРЕАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Одним из первых неореалистов, которые поставили проблему системных изменений международных отношений в центр своего рассмотрения, был **Роберт Гилпин**. Заметное место в этих исследованиях занимает его книга «Война и изменение в мировой политике (Gilpin, Robert. War and Change in World Politics. N.Y.: Cambridge University Press, 1981. Выдержки из книги приведены ниже). После службы в ВМС США в 1960 г. Р. Гилпин получил ученую степень в Университете Калифорнии (Беркли). В настоящее время он является почетным профессором Принстонского университета, одним из лучших и всемирно признанных специалистов в области международной политэкономии.

Роберт Гилпин

ВОЙНА И ИЗМЕНЕНИЕ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ *

В течение 70-х и в начале 80-х годов нынешнего столетия произошёл ряд заметных событий, указывающих на то, что в международных отношениях происходит значительный переворот. Устоявшиеся и кажущиеся стабильными построения отношений и взаимопонимания были быстро отброшены в сторону. Политические лидеры, исследователи и пресловутый «человек с улицы» неожиданно стали осознавать тот факт, что энергетический кризис, драматичные события на Ближнем Востоке и напряжённость в коммунистическом мире явились новыми обстоятельствами, качественно отличающимися от обстоятельств предыдущего десятилетия. Эти и многие другие обстоятельства в политической, экономической и военной сферах означали далеко идущие сдвиги в международном распределении власти, высвобождение новых социально-политических сил

* Текст приводится по изданию: Gilpin, Robert. War and Change in World Politics // Viotti, Paul R. and Mark V. Kauppi. International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism. 2nd ed. N.Y. / Toronto: Macmillan Publishing Company / Maxwell Macmillan Canada, 1993. P.142-153. Перевод подготовлен В.Г. Десятовым. Авторские сноски не приводятся.

и глобальное переустройство дипломатических отношений. Прежде всего, эти события и обстоятельства показали, что относительно устойчивая международная система, сложившаяся в мире после окончания Второй мировой войны, вступала в период неустойчивых политических изменений.

Наш век не первый, когда неожиданная взаимосвязь значительных событий выявила основополагающие сдвиги в военной и экономической областях, в политическом устройстве. В двадцатом веке сравнимые по значимости обстоятельства уже складывались в десятилетия, предшествующие Первой и Второй мировым войнам. Это осознание опасностей, свойственных периодам политической нестабильности, и резкие изменения вызывают чувство глубокого беспокойства и опасения. Это чувство усиливается оттого, что события могут выйти из-под контроля, и мир снова может погрузиться в глобальное пожарище. Учёные, журналисты и другие исследователи обращаются к истории с вопросом о том, напоминает ли модель современных событий модель 1914 и 1939 гг.

Эти современные обстоятельства и их опасный подтекст ставят ряд вопросов относительно войны и изменений в международных отношениях: Каким образом и при каких обстоятельствах происходят изменения на уровне международных отношений? Какова роль политического, экономического и технологического развития во внесении изменений в международные системы? Где находится опасность интенсивных военных конфликтов в периоды резких экономических и политических изменений? И, что наиболее важно, соответствует ли современному миру ответ, полученный после изучения прошлого опыта? Другими словами, в какой степени социальное, экономическое и технологическое развитие, выразившееся в растущей экономической взаимозависимости наций и появлении ядерного оружия, изменили роль войны в процессе международных политических перемен? Есть ли смысл надеяться на то, что политические изменения могут быть более благоприятными в будущем, чем они были в прошлом?

Назначение данной книги заключается в исследовании этих вопросов. Здесь мы попытаемся выработать понимание международного политического изменения более систематическое, чем существующее на сегодняшний день. Мы

не претендуем на разработку общей теории международных отношений, которая обеспечит всеобъемлющее объяснение. Вместо этого мы пытаемся разработать структуру осмысления проблемы войны и изменений в мировой политике. Эта структура предназначена стать аналитическим инструментом, который поможет упорядочить и дать разъяснение опыту человека. Она не представляет собой точное научное объяснение политических изменений. Представленные идеи по международным политическим изменениям являются скорее обобщениями, основанными на исследованиях исторического опыта, а не набором гипотез, научно проверенных и подтверждённых историей; они предложены в качестве вполне приемлемого толкования происходящих изменений международной политики.

С этой целью мы выделяем и анализируем наиболее очевидные схемы и модели, связанные с изменениями в международных системах. Однако мы не претендуем на открытие «законов изменения», которые определяют, когда произойдёт политическое изменение, или каким путём оно будет развиваться. Наоборот, вопрос ставится таким образом, что основные политические изменения являются следствием стечения уникальных и непредсказуемых обстоятельств. Однако делается утверждение, что существует возможность определения повторяющихся схем, общих элементов и общих тенденций в основных поворотных точках международной истории. Как выразился известный экономист У. Артур Льюис, «сегодня процесс социальных изменений во многом такой же, каким он был 2000 лет назад... Мы можем сказать, как произойдёт изменение, если оно происходит; но мы не можем предвидеть того, какое изменение произойдёт». Концепция политических изменений, изложенная в данной книге, как и почти вся социальная наука, не является прогностической. Даже экономическая наука может заниматься предсказаниями только по узкому кругу вопросов.

Большинство теорий в области политической науки и в подобласти международных отношений, на которые делаются ссылки, фактически являются аналитическими, описательными построениями; в лучшем случае они предоставляют концептуальную структуру и набор вопросов, которые помогают нам ана-

лизировать и объяснять тип феномена. Так, Кеннет Уолтц в своей книге «Человек, государство и война» даёт общее объяснение войны, но не говорит о способах предсказания какой-либо определённой войны. Подобным же образом данное исследование направлено на общее объяснение природы международных политических изменений.

Необходимость более глубокого понимания политических изменений, особенно международных политических изменений, была хорошо представлена Уилбертом Муром в последнем издании Международной энциклопедии социальных наук: «Парадоксально, но по мере ускорения темпов социальных изменений в реальном мире опыта научные дисциплины, имеющие отношение к деятельности человека и результатам его действий, имеют тенденцию к выделению регулярной взаимозависимости и статической непрерывности».

Суждения Мура относительно неадекватного отношения к политическим изменениям социологов родились в результате анализа учебников и теоретических работ по международным отношениям. Несмотря на наличие замечательных исключений, немногие из этих книг систематично освещают проблему политических изменений. Как правильно заметил Дэвид Истон, «учёные, занимающиеся изучением политической жизни, склонны забывать, что действительно критические проблемы социальных исследований касаются схем изменения».

Стоит сказать, как отметил Джозеф Шумпетер, что естественное развитие любой науки происходит от статического анализа к динамическому анализу. Статическая теория более проста, а её положения проще доказать. К сожалению, до тех пока статика области исследования не будет хорошо разработана, а у человека не будет хорошего понимания повторяющихся процессов, трудно, если вообще возможно, перейти к изучению динамики. С этой точки зрения, систематическое изучение международных отношений – это молодая область исследования, и многое из того, что переходит к динамике, в действительности является попыткой понять статику взаимодействия конкретных международных систем: дипломатические компромиссы, деятельность альянсов, регулирование кризисов

и т.д. Вопрос о том, является или нет наше нынешнее понимание этих статических аспектов достаточным для того, чтобы оказать помощь в разработке динамической теории, представляет серьёзную проблему для данного исследования.

Вторым фактором, помогающим объяснить очевидное недостаточно внимательное до последнего времени отношение к проблеме политических изменений, является то, что К. Дж. Холсти назвал упадком «великой теории» (grand theory). Политический реализм Ганса Моргентау, теория систем Мортон Каплана и неофункционализм Эрнста Хааса, также, как и другие многочисленные «великие теории», имеют один общий элемент: поиск общей теории международной политики. Каждый своим собственным путём, с разной степенью успеха стремился, по словам Моргентау, «свести факты опыта к простым специфическим случаям общих положений». Однако ни одна из этих амбициозных попыток понять проблему (война, империализм и политические изменения) не получила общего признания. Вместо этого «главным занятием теоретиков в последнее десятилетие явилось исследование специфических проблем, формирование гипотез или обобщений, объясняющих ограниченный спектр феноменов и, в частности, получение данных для проверки таких гипотез». Короче говоря, акцент последнего времени на так называемой теории среднего уровня, хотя и ценный сам по себе, имел отрицательные последствия, отвлекая внимание от более общих теоретических проблем.

Третьей причиной недостаточно внимательного отношения к изучению политических изменений является западное направление в изучении международных отношений. Для тех, кто изучает и пытается понять взаимодействие обществ, наука о международных отношениях носит заметный местнический и этноцентричный характер. Главным образом, она касается изучения западной государственной системы, и значительная часть научных трудов посвящена событиям после Второй мировой войны. Таким образом, особый акцент делается на недавние этапы развития данной государственной системы. Несмотря на исключения, практиков ничего не заставляло принять динамику развития этой или лю-

бой другой государственной системы. Как высказался Мартин Уайт, международным отношениям недостаёт традиций политического теоретизирования. Конечно, в большой степени это происходит по причине недостатка надёжных вторичных исследований незападных систем. Такая ситуация сама по себе является значительным препятствием в развитии теории международных политических изменений.

Четвёртую причину недостаточно внимательного отношения к теоретической проблеме политических изменений составляет широко распространённое убеждение в тщетности данной задачи. Такая точка зрения широко распространена среди историков, однако многие учёные-социологи также её придерживаются. Поиск «законов изменения» считается бесполезным в силу уникальности и сложности исторических событий. Так, поиск обобщений или моделей человеческих взаимоотношений рассматривается как безнадёжное занятие. Такая позиция, если брать её изначальный смысл, отрицает саму возможность науки или истории общества; тем не менее, необходимо отметить её предостережение относительно того, что не существует непреложных законов изменения и что, хотя повторяющиеся схемы и могут существовать, в конечном итоге социальные изменения зависят от уникальных построений исторических событий.

И, наконец, развитие теории политических изменений сдерживалось идеологией и эмоциями. Отчасти это можно объяснить консервативной предвзятостью в западной социальной науке. Большинство исследователей предпочитают стабильность или, по крайней мере, упорядоченные изменения. Идея радикальных перемен, которые содержат угрозу принятым ценностям и интересам, не является привлекательной. Данная проблема особенно остро стоит перед теоретиками международных политических изменений, которые вынуждены напрямую противостоять фундаментальной проблеме международных отношений – войне. Сдерживающее действие этой страшной проблемы хорошо выразил Джон Бёртон в резком обвинении современных учёных, занимающихся проблемами международных отношений:

«Главным провалом ортодоксальности явилось отношение к изменениям.

Выдающейся особенностью реальности является динамичная природа Международных отношений. Ни одна общая теория не является подобающей, если она не может принять во внимание быстро меняющуюся технологическую, социальную и политическую среду, в которой нации должны жить друг с другом в мире. Однако, единственным инструментом фундаментальных изменений, возможных в контексте силовой политики, является война, поэтому война и признаётся легитимным инструментом национальной политики. Не удивительно, что существует тенденция обсуждения Международных отношений на языке статики, и что стабильность интерпретируется с точки зрения поддержания *status quo*. Динамический подход к Международным отношениям не оставляет аналитику альтернативы, как только признать войну в качестве единственного существующего механизма изменений».

Вызов, брошенный Бёртоном ортодоксальной теории международных отношений, проникает в самую суть настоящего исследования. В последние годы теоретики международных отношений подчёркивали сдерживающее и стабилизирующее воздействие современного развития на поведение государств, особенно растущую экономическую взаимозависимость между народами и разрушительную силу современного оружия. Эти важные изменения позволили многим поверить в то, что мирная эволюция пришла на смену военным конфликтам в качестве основного средства регулирования отношений между национальными государствами в современном мире. Данное предположение сопровождалось верой в то, что экономические цели и цели обеспечения благосостояния одержали победу над традиционными для государств целями борьбы за власть и обеспечения безопасности. Таким образом, многие верят, что возможность мирных экономических отношений и ограничения, налагаемые разрушительностью современной войны, привели к снижению возможности развязывания большой войны.

В настоящем исследовании мы придерживаемся совершенно другой точки зрения, основанной на предположении, что фундаментальная природа международных отношений не менялась тысячелетиями. Международные отношения

продолжает оставаться борьбой за богатство и власть между независимыми акторами, находящимися в состоянии [международной] анархии. Классическая история Фукидида как гид поведения государств имеет такое же значение сейчас, как и в V веке до нашей эры, когда эта история была написана. Тем не менее, произошли важные изменения. Смысл одной из тем данной книги заключается в том, что, в действительности, современное государство и государство предшествующего периода имеют значительные отличия (первыми об этом говорили Монтескье, Эдвард Гиббон и другие, более ранние исследователи). Тем не менее, мы утверждаем, что фундаментальные основы не изменялись. Поэтому мы считаем, что взгляды более ранних авторов и исторический опыт имеют отношение к пониманию того, как функционируют и изменяются международные системы в современную эпоху.

Таким образом, хотя в убеждении, что современное экономическое и технологическое развитие изменили отношения между государствами, явно есть доля правды, события в Азии, Африке и на Ближнем Востоке в 70-е и начале 80-х годов снова заставляют нас признать остающуюся нерешённой проблему войны и роли войны в процессе международных политических изменений. Даже больше, чем в прошлом, в последние десятилетия XX столетия нам необходимо понять соотношение войны и изменений в международной системе. Только таким образом мы можем надеяться на создание более мирной альтернативы. Как напоминал нам Э.Карр об основной задаче исследования международных отношений: «Установление методов мирных изменений является... фундаментальной проблемой международной морали и международной политики». Но если бы мир был конечной целью государственного управления, тогда решение проблемы мирных изменений было бы лёгким. Мира всегда можно достичь, сдавшись государству-агрессору. Реальной задачей миролюбивого государства является достижение такого мира, который защищает и гарантирует его жизненные интересы и его представления о международной морали.

ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА

1. Какую исследовательскую задачу ставит перед собой Р. Гилпин? Какова его позиция в решении этого вопроса? Исходя из какой посылки автор формулирует свою позицию?
2. Почему он считает необходимым заниматься этой проблемой? Что подтолкнуло его к тому, чтобы сформулировать исследовательскую задачу именно таким образом?
3. Предлагает ли Р. Гилпин новую общую теорию международной политики? Как он определяет масштаб / концептуальные рамки своего теоретического построения?
4. Какой методологический подход использует автор? Подтвердите свое мнение положениями из этого отрывка текста.
5. Какие объяснения невниманию исследователей к динамической стороне международной политики находит автор?

ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Международная система создаётся на том же самом основании, что и любая другая социальная или политическая система; акторы вступают в общественные отношения и создают социальные структуры для продвижения конкретных политических, экономических и других интересов. В силу того, что интересы некоторых акторов могут вступать в конфликт с интересами других, конкретные интересы, которым в наибольшей степени благоприятствует такое социальное устройство, имеют тенденцию к отражению распределения власти между вовлечёнными акторами. То есть, хотя социальные системы и налагают ограничения на всех акторов, поведение, поощряемое и наказуемое системой, будет совпадать, по крайней мере, первоначально, с интересами наиболее могущественных членов социальной системы. Однако с течением времени в результате экономического, технологического и других видов развития интересы отдельных акторов и баланс сил между ними изменяются. Как следствие, те акторы, которые получают бóльшую выгоду от изменений в социальной системе и которые наращивают мощь для осуществления таких изменений, стремятся изменить систему в своих интересах. Получившаяся в результате изменённая система будет отражать новое распределение власти и интересы её новых доминирующих членов. Таким образом, предпосылка политических изменений заключается в расхождении между существующей социальной системой и потенциальным перераспределением власти в

пользу тех акторов, которые получили бы наибольшую выгоду от изменений в системе.

Данная концепция политического изменения основана на том допущении, что цель социальной функции любой социальной системы, включая международную, может быть определена с точки зрения выгоды, которую извлекают участники этой системы от её деятельности.

Как и в случае с национальным обществом, природа международной системы определяет, чьи интересы обслуживаются системой. Изменения в системе предполагают изменения в распределении благ, предоставленных отдельным членам этой системы, или затрат, которые они несут. Таким образом, исследование международных политических изменений должно быть сфокусировано на международной системе и, особенно, на усилиях политических акторов по изменению международной системы с целью продвижения своих собственных интересов. Будь это интересы безопасности, экономической выгоды или идеологические интересы, достижение государственных целей зависит от характера международной системы (т.е. от управления системой, правил системы, признания прав и т.д.). Как и в случае с любой социальной или политической системой, процесс международных политических изменений в конечном итоге отражает усилия отдельных личностей или групп, направленные на трансформацию институтов или систем в целях продвижения своих интересов. Поскольку эти интересы и возможности групп (или государств) изменяются, со временем происходит изменение политической системы таким образом, который отражает эти основополагающие сдвиги в интересах и в распределении власти. Разработка такого подхода к пониманию международных политических изменений составляют цель последующего обсуждения.

ВТОРАЯ ОСТАНОВКА

1. Как определяет автор специфику системного взаимодействия?
2. Как Р. Гилпин определяет предпосылку политического изменения?
3. Что отражает изменение политической системы?

ОСНОВА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Приводимая в данной работе концептуализация международных политических изменений основана на ряде допущений относительно деятельности государств:

1. Международная система стабильна (т.е. она находится в состоянии равновесия), если ни одно государство не считает выгодным предпринять попытку, направленную на изменение системы.

2. Государство предпримет попытку изменить международную систему, если ожидаемые в будущем преимущества превышают ожидаемые затраты (т.е. если есть ожидаемая чистая прибыль).

3. Государство будет стремиться изменить международную систему посредством территориальной, политической и экономической экспансии до тех пор, пока предельные издержки дальнейших изменений не будут равны предельной прибыли или превышать её.

4. После достижения равновесия между издержками и выгодой дальнейшего изменения и экспансии появляется тенденция к тому, что экономические затраты на сохранение status quo растут быстрее, чем экономические возможности поддержания status quo.

5. Если в международной системе сохраняется неустойчивость, в ней происходят изменения и устанавливается новое равновесие, отражающее перераспределение власти.

Понятно, что данные предположения являются обобщениями очень сложной политической реальности. Они не дают описания процесса принятия решения государственными деятелями, но предполагаемые действия акторов просчитываются как в экономической теории делаются расчёты затрат и прибыли. Более того, данные предположения не являются взаимоисключающими; они частично перекрывают друг друга. Предположения 2 и 4 – это зеркальное отражение друг друга, предположение 2 относится к государству, стремящемуся к изменению су-

ществующего положения, а предположение 4 относится к государству, стремящемуся к сохранению status quo.

На основе данных предположений приводимая в этой работе концептуализация международных политических изменений стремится к пониманию продолжающегося исторического процесса. Поскольку в истории нет ни начал, ни окончаний, нужно погружаться в исторический поток в какой-то конкретный момент. Нижеследующий анализ политических изменений начинается с международной системы в состоянии равновесия, как показано на Рис.1.

Международная система находится в состоянии равновесия, если более сильные государства в системе удовлетворены существующим территориальным, политическим и экономическим устройством. Хотя могут иметь место незначительные изменения и корректировки, состояние равновесия – это такое состояние, при котором ни одно сильное государство (или группа) не считает, что изменения в системе могут принести дополнительные выгоды, соизмеримые с предполагаемыми издержками изменения системы. Несмотря на то, что каждое государство и группа в системе могут извлечь выгоду из определённых изменений, связанные с ними затраты могут охладить желание вносить в систему изменения. Как выразился один исследователь, «равновесие силы представляет собой стабильную политическую конфигурацию при условии, что новые приобретения не приносят выгоды». При таких условиях, когда ни у кого нет желания изменить систему, можно говорить о стабильном status quo.

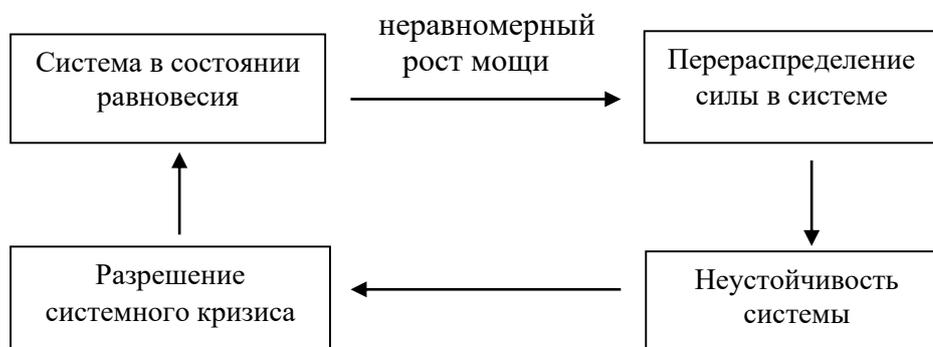

Рис.1. Схема международного политического изменения

На более традиционном языке международных отношений *status quo* рассматривается законным, по крайней мере, главными государствами в системе. Генри Киссинджер дал следующее определение значения законности:

«[Законность] подразумевает принятие схемы миропорядка всеми основными державами, по крайней мере, таким образом, чтобы ни одно государство не было разочаровано настолько, что, подобно Германии после заключения Версальского договора, оно выражало бы своё неудовлетворение в революционной внешней политике. Легитимный порядок не исключает конфликты, но ограничивает их масштаб. Войны произойти могут, но они будут вестись во имя существующей структуры, а последующий за этим мир будет преподнесён как лучшее выражение «легитимного» общего консенсуса. Дипломатия в классическом смысле как урегулирование разногласий посредством переговоров возможна только при «легитимных» международных порядках».

В данной цитате изложена мысль о том, что международная система или порядок существует в состоянии гомеостатического или динамического равновесия. Подобно любой другой системе она не полностью находится в покое; постоянно происходят изменения на уровне межгосударственного взаимодействия. Однако, в общем, конфликты, союзы и дипломатическое взаимодействие между акторами в системе имеют тенденцию к сохранению определяющих характеристик системы. Как показал Киссинджер, легитимный порядок или равновесие, установленное Венским конгрессом (1814), уцелел в ограниченных конфликтах и при дипломатическом маневрировании до своего окончательного развала после крупных экономических, технологических и политических потрясений конца XIX века. [...]

В каждой международной системе постоянно происходят политические, экономические и технологические изменения, которые сулят преимущества или приносят потери тому или иному актору. В большинстве случаев эти потенциальные преимущества и потери незначительны, и для того, чтобы принять их во внимание, необходимы лишь небольшие корректировки. Подобные изменения происходят в пределах существующей международной системы, создавая условия

гомеостатического равновесия. Фактически, относительная стабильность системы во многом определяется её способностью приспосабливаться к запросам акторов, вызванным изменениями политических и иных условий. Поэтому, в каждой системе постоянно присутствует процесс потери равновесия и его восстановления. Если изменения не приносят чистой выгоды большого потенциала, система продолжает оставаться в состоянии равновесия.

Если интересы и относительная мощь основных государств в международной системе оставались бы стабильными длительное время или если властные отношения изменялись бы так, что сохраняли бы то же самое относительное распределение власти, система оставалась бы в состоянии равновесия неопределённо долгое время. Однако, как национальные, так и международные процессы развития подрывают устойчивость *status quo*. К примеру, сдвиги в национальных коалициях могут неизбежно повлечь за собой пересмотр «национального интереса». Однако наиболее дестабилизирующим фактором в международной системе является тенденция к неравномерному перераспределению власти между государствами-членами системы, обусловленному политическим, экономическим и технологическим развитием. Со временем дифференциальный рост могущества различных государств системы приводит к фундаментальному перераспределению силы/власти в системе.

Понятие силы/власти – одно из самых проблематичных в области международных отношений и, в более широком смысле, в политической науке. Это понятие разрабатывалось и анализировалось во многих солидных работах. В данной книге понятие силы относится только к военным, экономическим и технологическим возможностям государств. Это определение явно оставляет в стороне важные и неосязаемые элементы, которые влияют на исход политических действий, такие как общественная мораль, качество руководства и ситуационные факторы. Оно также исключает то, что Э.Карр назвал «властью над мнением». Эти психологические и зачастую неисчисляемые аспекты власти и международных отношений более тесно связаны с понятием престижа...

Вследствие изменяющихся интересов отдельных государств и, особенно,

вследствие неравномерного роста могущества государств, международная система сдвигается от состояния равновесия к состоянию неустойчивости. Неустойчивость – это ситуация, в которой экономическое, политическое и технологическое развитие значительно увеличило потенциальные выгоды и снизило потенциальные издержки для одного или более государств, которые стремятся к изменению международной системы. Предотвращение потерь и увеличение преимуществ становятся стимулом для государств в попытке изменить систему. Таким образом, из-за изменений в международной системе образуется расхождение между существующей международной системой и потенциальными преимуществами отдельных государств.

Данная неустойчивость системы носит двойственный характер. Во-первых, изменения в военной, технологической или других областях увеличили преимущества территориальных завоеваний или изменений международной системы иным образом. Во-вторых, неравномерное приращение мощи государств в системе изменяет издержки перемены в системе. [...]

С одной стороны, иерархия престижа, разделения территории, международное разделение труда и правила системы в основе своей остаются неизменными; они продолжают отражать, главным образом, интересы доминирующих держав и распределение власти между ними, которые преобладали во времена последних системных изменений. С другой стороны, международное распределение власти претерпело радикальную трансформацию, ослабившую основы существующей системы. Именно это расхождение нескольких компонентов системы и его последствия для соотношения преимуществ и издержек для различных государств в системе и вызывает международные политические изменения.

Это расхождение в существующей международной системе, затрагивающее потенциальные преимущества и издержки для отдельных могущественных акторов, ассоциирующихся с изменениями в системе, приводит к кризису в ней. Хотя возможно урегулирование кризиса посредством мирного разрешения системной неустойчивости, основным механизмом изменений на протяжении всей истории являлась война или то, что мы называем войной за гегемонию (т.е. война,

которая определяет, какое государство или государства будут доминировать и управлять системой). Установление мира вслед за такой борьбой за гегемонию, перестраивает политические, территориальные и другие основы системы. Таким образом, цикл изменений завершается тем, что война за гегемонию и установление мира создают новый status quo и равновесие, которое отражает перераспределение власти в системе.

ТРЕТЬЯ ОСТАНОВКА

1. Из каких посылок о поведении государств исходит автор в рассуждениях о политическом изменении на международной арене?
2. Воспроизведите логику автора в концептуализации международно-политического изменения.
3. Как Вы понимаете смысл «гомеостатического или динамического равновесия»?
4. Что вызывает, с точки зрения автора, фундаментальные изменения в распределении могущества в системе?
5. Как Р. Гилпин определяет состояние «неустойчивости (нарушения равновесия) системы? К чему приводит нарушение равновесия?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая изучение политического реализма в рамках «Теории международных отношений», важно остановиться на его ключевых положениях, которые позволят в дальнейшем – по мере изучения и других парадигм – провести их сравнение.

Студентам предлагается начать заполнять сопоставительную таблицу. Вопросы для сравнения помогут выделить отличительные черты реалистической парадигмы:

	РЕАЛИЗМ	ПЛЮРАЛИЗМ	ГЛОБАЛИЗМ
Что является объектом анализа в исследованиях?			
Как характеризуются ключевые акторы?			
Как можно охарактеризовать поведение акторов?			
Какие вопросы стоят в центре рассмотрения ученых?			

Изучение политического реализма завершается письменной зачетной работой. Студентам предлагается выбрать одну из тем:

1. Политический реализм: общая характеристика.
2. Политический реализм против политического идеализма.
3. Политический реализм и структурный реализм.
4. Пределы и возможности использования политического реализма в анализе современных международных отношений.

При подготовке работы необходимо использовать как представленные в данном пособии оригинальные тексты, так и материалы лекционного курса, а также учебные и учебно-методические пособия. Обратите внимание, что при всей близости представленных тем, каждая из них предлагает сфокусировать свое внимание на определенном аспекте развития исследований в рамках реалистической парадигмы.

Основными критериями оценки работы являются грамотность и глубина в изложении сущности положений политического реализма, самостоятельность подхода к оценке его достижений в рамках ТМО, круг привлекаемых источников информации. Объем работы – до 5 страниц (Times New Roman, 14пт, полуторный междустрочный интервал).

Материалы для чтения по теории международных отношений
Часть 1. Реализм

Авторы-составители:

Юлия Павловна Помелова

Ольга Владимировна Сафронова

Учебно-методическое пособие

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского».
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23